

УПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО
ПАДЕЖА В САВВИНОЙ КНИГЕ¹

А. Кациба

Общей характерной чертой славянских языков с синтетическим именным склонением является грамматическое противопоставление лица не-лицу, или живого существа неодушевленному предмету. Вопрос о том, какими средствами выражается категория лица или одушевленности, еще не решен, но употребление формы род. п. вместо вин.п. у имен со значением лица или живого существа всеми без исключения лингвистами считается самым характерным средством проявления данной категории. Род.-вин.п. встречается во всех разрядах имен: у существительных, прилагательных, причастий и местоимений - и встречается он /хотя еще непоследовательно/ очень рано, уже в языке древнейших славянских памятников, к числу которых относится и Саввина книга, памятник XI в. Изучая падежные отношения в Саввиной книге, А.С. Новикова обращает внимание на то, что "... в Саввиной книге встречаются чаще, чем в прочих кодексах, формы родительного вместо винительного, образованные от имен со значением лица"². Материал Саввиной книги дает возможность наблюдать проявление данной категории в относительно раннем периоде, когда эта категория уже отражается в системе склонения, хотя все еще находится в состоянии становления. Род.-вин.п. появляется у всех типов имен, однако его появление у личных, возвратного и относительных местоимений имеет иные условия, чем у остальных имен. В настоящей статье делается попытка на материале Саввиной книги показать употребление род.вин.п., указывая характерные черты условий его употребления в упомянутых группах местоимений, и

¹ В.Н. Щепкин. Саввина книга. Памятники старославянского языка. Т. I., вып. 2-й. Graz, 1959.

² А.С. Новикова. Падежные отношения в Саввиной книге. Изд. Московского университета, 1969, стр. 14.

ответить на вопрос, всегда ли посредством род.-вин.п. происходит грамматическое противопоставление лица не-лицу или живого существа неодушевленному предмету.

В вин.п. ед.ч. м.р. у 94,5 % имен со значением лица /существительных, прилагательных, причастий, местоименных прилагательных/ встречается окончание род.п. вместо вин.п. /род.-вин.п.: 271 случай; вин.: 15 случаев/. Те существительные со значением сверхъестественного существа, которые легко могут соотноситься с каким-либо лицом, также получают окончание род.п. /господь, богъ, анг'ель/, а существительные, которые не ассоциируются с лицом, сохраняют окончание вин.п. /доуля, вѣсъ/.

Все без исключения собственные имена существительные м.р. стоят в род.-вин.п. /94 случая/. У имен нарицательных наблюдается всего 13 случаев употребления старого вин.п. /род.-вин.п. - 88/. У прилагательных, причастий и местоименных прилагательных встречается лишь два случая употребления вин.п., причем оба у причастий /род.-вин.п. - 59/. Имена существительные м.р., обозначающие названия животных, сохраняют окончание вин.п. /5 случаев/, за исключением одного примера:

л. 125б. видѣтъ вѣлна градыца τὸν λύκον ἐρχόμενον

Следует отметить, что окончание род.п. встречается не только у существительных м.р. со значением лица, но в некоторых случаях и у существительных ж.р. /дѣщерѣ - 3 раза, мѣтерѣ - 8 раз, при 4 мѣтерѣ/ а также и неодушевленных существительных /народа, мира, нѣлѣ, тѣтла/. У слов мати и дѣщи появление род.-вин.п. объясняется, вероятно, окончанием этих слов в вин.п. на согласный + редуцированный переднего ряда, которое послужило основой для аналогии, т.е. склонения этих существительных по образцу существительных м.р. на редуцированный гласный переднего ряда со значением лица, у которых вин.п. был равен род.п. Такая аналогия в Саввиной книге подкреплялась и тем, что слова мати и дѣщи в большинстве случаев стоят в непосредственной

близости с род.-вин.п. существительных м.р., т.е. наблюдает-ся своего рода их синхронное употребление, например:

л. 376. любаѣ оца ли мѣре паче мене³

Неодушевленные имена существительные могли употреблять-ся в род.-вин.п., если имело место олицетворение⁴. Этим может объясняться форма титла /л. 129/.

Имена существительные собирательного значения, обозначаю-щие группы людей, иногда также употреблялись в род.-вин.п.⁵:

л. 366. видѣ... и народа мльваща τὸν ὄχλον Ἰερουζουμηνῶν

л. 127 тано бо бѣ възлюбѣи мира τὸν κόσμον

л. 139²⁶ иже оупасетя люди моя и иждѣ τὸν Ἰσραήλ

л. 129 на крестѣ бѣ написано ἰς ναζαρεθινην πρὸς ἰουδαϊσκῶν.

сего титла мнози възшоа отъ юдаѣи τὸν τίτλον

Следует отметить, что во всех случаях, когда у существи-тельных, обозначающих не лицо, встречаются окончания род.п. вместо вин.п., в греческом тексте Нового Завета⁶ стоит опреде-ленный артикль /о греческом определенном артикле см. ниже/.

Особого внимания заслуживают 13 примеров сохранения ста-рой формы вин.п. у нарицательных имен существительных:

	вин.п.	род.-вин.п.
сѣинъ	8	16
рѣвъ	1	8
младѣньць	2	-
прѣвѣньць	2	-
	13	24

³ В.И. Георгиев объясняет это явление аналогией с личными мес-тоимениями мене, тебе, себе; по мнению же Ф.Ф. Fortunatova, окончание - следует считать первоначальным окончанием вин.п. См. В.И. Георгиев. Причините за възникването на родителен-винителен падеж в славянските езици, в кн. Славистичен сборник. София, 1973, стр. 16. Ф.Ф. Fortunatov. Избранные труды, т. 2. М., 1957, стр. 369.

⁴ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 206.

⁵ Ср.: P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932, стр. 155.

⁶ Novum Testamentum Graece. Halle, 1787.

У слова *slъnъ* вин.п. может объясняться принадлежностью этого слова к старой *ŷ*-основе.

Существует мнение, что окончание вин.п. долгие сохранялось у существительных, обозначающих лиц общественно неполноправных. Но, как подчеркивает Е.И. Кедайтене, "... нельзя согласиться с тем, что рассматриваемый языковой процесс был вызван характером общественных отношений"⁷, указывая при этом на необходимость искать ответа на данный вопрос в внутриязыковых факторах.

В специальной литературе предлагается несколько подходов к решению данной проблемы. Считается, что притяжательные местоимения, а также и предлоги способствовали сохранению старой формы вин.п. Логическое же выделение предмета при инверсии, определенный характер предмета /на что в греческом тексте указывает определенный артикль, а в славянских памятниках - сочетание существительных с глаголами совершенного вида/ способствовали распространению формы род.-вин.п.⁸

Мы проследили употребление вышеупомянутых четырех слов с этих точек зрения. Притяжательные местоимения, предлоги, как и порядок слов, оказались нерелевантными. Определенный артикль в греческом тексте не позволяет дать однозначного ответа на данный вопрос, хотя оказалось, что в большинстве случаев, когда эти слова стоят в род.-вин.п., в греческом тексте употребляется определенный артикль. /Из 24 случаев род.-вин.п. при 18 есть определенный артикль, при 3 нет артикля, в остальных 3 случаях в греческом тексте встречаются другие конструкции/. Следу-

⁷ Е.И. Кедайтене. Формы вин. и формы род.-вин.п. от названий лиц и одушевленных предметов по оригинальным памятникам восточнославянской письменности. М., 1958, стр. 5.

⁸ A. Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusativ eu vieux-slave. Paris, 1897, стр. 59. П.С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 96-97.
Е.И. Кедайтене. К вопросу о категории лица. Уч. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Языковедение. Вильнюс, 1963/6, стр. 229-239.

ет отметить, что в случаях, когда слова со значением не-лица стоят в род.-вин.п., в греческом тексте всегда находим определенный артикль.

Здесь целесообразно остановиться и на употреблении род.-вин.п. во мн.ч., поскольку в примерах мн.ч. связь между вин.п. и определенностью, в частности, с глагольным видом, является наиболее очевидной.

Нами обнаружены 5 случаев употребления род.-вин.п. во мн.ч. Общим во всех этих примерах является то, что в них употреблены субстантивированные причастия /4 случая/ и субстантивированное прилагательное /1 случай/, все они - местоименные формы /определенности/, и в греческом тексте во всех 5 примерах стоит определенный артикль.

- /1/ л.346 остави мрътвыа погрети своиъ мрътвыихъ
τοὺς ἑαυτῶν νεκροῦς
/но: л. 57: мрътвыа своя/
/2/ л.30 бл҃гвѣ клзѣншихъ васъ τοὺς καταρήμενούς
/3/ л.34 всехъ болашихъ цѣли
πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας
/но: л.536 цѣлити болашаа τοὺς ἀσθενούντας,
л. 1336 болашаа цѣлите ἀσθενούντας /
/4/ л.306 възлюбите любящихъ васъ
/но: л.486 любите любящаа васъ.
/5/ л.1106 что ма възпрашаеши. възпроси слышавшихъ
τοὺς ἀκηκοότας

В этих примерах очевидна роль приставочных глаголов совершенного вида, которые, по мнению П.С. Кузнецова⁹, выражают большую определенность¹⁰.

Славянский род.-вин.п. распространился на те имена со значением лица и живого существа, у которых им. и вин.п. в результате фонетических изменений совпали, причем этот процесс был

⁹ П.С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 97.

¹⁰ Ср. еще: И. Леков. "Славянский глаголен вид е произлязъл от лексическата корелация определеност-неопределеност". В кн. Общност и многообразие в грамматическия строй на славянските езици. София, 1958, стр. 16.

длительным и не сразу охватил все эти имена. В распространении род.-вин.п. известную роль мог играть и определенный/неопределенный характер объекта. Об определенности мы можем говорить, с одной стороны, в связи с конкретными примерами /т.е. когда в предложении фигурирует конкретный, определенный объект - на конкретность может указывать греческий определенный артикль, приставочный глагол совершенного вида, смысл предложения, контекст и т.д./. С другой стороны - в связи со значением данных имен /насколько близки они по своему значению к собирательным именам существительным, обозначали ли они людей с индивидуальными чертами, или только представителей массы - солдат, рабов, крестьян, людей без ярких индивидуальных черт - детей/. В пользу этого предположения говорит материал Саввиной книги:

1. Все имена собственные /именно в них выражается высшая степень определенности/, выступая в качестве объекта, получают окончание род.п. вместо вин.п.

2. У большинства имен нарицательных также появляется новое окончание. Только у существительных сынз, рабз, младяньць, правяньць встречаются и старые формы вин.п. Эти слова характеризуются меньшей степенью индивидуальности, они, как подчеркивает Е.И. Кедайтэнэ, выражают "смысл обобщительно-собирательный, как бы несколько отвлеченный"¹¹; они близки к собирательным именам существительным.

3. В основе существительных, обозначающих группы людей, лежит ярко выраженный обобщительно-собирательный характер, и, как отмечает А.В. Исаев, "... понятие собирательности противоположно понятию частичности, с которым так или иначе связана форма род.п."¹². Но поскольку с этими собирательными именами

¹¹ Е.И. Кедайтэнэ. К вопросу о развитии форм род.-вин. падежа. В кн. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1969, стр. 186.

¹² А.В. Исаев. Категория одушевленности в языке московского летописного свода конца XV века. Уч. зап. Ивановского педагогического института. т. 17, Филологические науки, вып. 5, ч. 3, стр. 51.

существительными тесно связано представление о человеке, то на переходном этапе, когда категория лица все еще находится в состоянии становления, спорадически встречается род.-вин.п. и от этих имен.

Возникновение род.-вин.п. лингвисты объясняют совпадением форм им. и вин. падежей у некоторых групп имен в результате фонетических изменений в общеславянском языке. Такая омонимия падежа субъекта и объекта могла привести к двусмысленности изречения, особенно если в роли и субъекта и объекта выступали имена со значением живого активного существа, прежде всего лица. Во избежание этой омонимии язык стремился к восстановлению состояния, имевшего место до фонетических изменений, а средством для этого служило употребление род.п. в значении вин.п. у имен со значением лиц м.р., у которых упомянутая омонимия встречалась чаще всего.

Подобное объяснение вполне применимо к именам существительным, прилагательным, причастиям, местоименным прилагательным, однако, что касается личных и возвратного местоимений, то здесь дело обстоит сложнее.

У личных местоимений 1. и 2. лица, кроме *вы*, не было омонимии форм им. и вин.п. /*аъ* - *ма*, *ты* - *та*, *мы* - *ны*/. Личные местоимения могли обозначать только лиц /реже - олицетворенные предметы/, следовательно, употребление род.п. вместо вин.п. и не могло выражать различия между лицами и не-лицами.

Возвратное местоимение не имеет формы им.п.; кроме того, оно указывает на отношение к действующему лицу, с которым оно чаще всего и употребляется в одном и том же предложении. Поэтому употребление род.п. вместо вин.п., как с точки зрения различения субъекта и объекта, так и с точки зрения категории лица, является безразличным.

Чем объясняется появление у этих местоимений форм род.п. в значении вин.п.?

По мнению многих лингвистов¹³, род.-вин.п. у личных и возвратного местоимений появился под влиянием вопросительного местоимения, у которого формы род. и вин.п. совпадали. Но объяснение широкого распространения род.-вин.п. одной единственной формой *кого* кажется недостаточным. А. Мейе¹⁴ в данном процессе подчеркивает роль указательных местоимений, у которых форма род.-отложительного п. и форма ударяемого вин.п. совпадали /*того*/. Под влиянием указательных местоимений и вопросительного местоимения *кого* новые формы вин.п., равные род.п., возникали у существительных со значением лица/живого существа. Позже эти новые формы распространились и на личные и возвратные местоимения. По мнению В.И. Георгиева, первоначальными формами вин.п. следует считать не только *кого* и *того*, но и *мене*, *тебе*, *себе*, появившиеся от x_{menen} , x_{teven} , x_{seven} , возникших в балтославянских языках под влиянием косвенных падежей и в результате фонетических изменений совпавшие с формами род.п.¹⁵. Следовательно, у этих местоимений не формы род.п. начали употребляться в значении вин.п. /как у существительных/, а было две формы вин.п.; т.е. формы род.-вин.п. у существительных и местоимений не одинакового происхождения: у первых они возникли в результате аналогии, а у последних уже издавна существовали как варианты морфемы.

Какое различие в значении или в функции способствовало сохранению этих вариантов? У личных и возвратного местоимений развилась та же оппозиция ударяемой и безударной формы вин.п., которая, по мнению А. Мейе и В.И. Георгиева¹⁶, уже издавна существовала у указательных местоимений. Полные, более выраженные формы вин.п. /*мене*, *тебе*, *себе*/, равные формам род.п., начали употребляться под логическим ударением, а у местоимений

¹³ W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1900, стр. 153, 282. А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 220. П.С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 93. Л.А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении. ВЯ, 1956/4, стр. 21.

¹⁴ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 348-349.

¹⁵ В.И. Георгиев. Указ. соч., стр. 10-13.

¹⁶ А. Мейе. Указ. соч., стр. 348-349. В.И. Георгиев. Указ. соч., стр. 10-13.

1. и 2. лица мн.ч., где не было вариантов в вин.п., появились формы род.п. в значении ударяемого вин.п. по аналогии с ед.ч. Краткие же формы начали употребляться в положениях, свойственных энклитикам. В памятниках старославянского языка краткие формы еще нельзя считать энклитиками, поскольку они встречаются в положении как под логическим ударением, так и без него. В Саввиной книге встречается 187 примеров употребления краткой формы, в том числе и под ударением. Например, под ударением:

- л. 110б. что ма въпрашаешн въпросн слышавъшнхъ
л. 110. аще ма въсте знали и оца моего знали въсте
и без ударения:
л. 91. вѣдѣхъ та маю жестонъ вси члкъ

Формы род.-вин.п. встречаются в Саввиной книге 25 раз, т.е. всего 11,7 % всех примеров. Некоторые сведения по данной проблеме может дать нам употребление ударяемого или энклитического местоимения 1. лица ед.ч. в греческом тексте¹⁷:

В случае употребления ма в Саввиной книге, в греческом тексте 70 раз встречается энклитическое $\mu\epsilon$, и 7 раз ударяемое $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$, а в случае употребления мене /9 раз/, в греческом тексте встречается только форма $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$. Во всех примерах с мене и конструкция предложения подчеркивает ударяемость: в этих предложениях налицо противопоставления или параллели, например:

- л. 104. ненавида же мене / $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ / и оца моего ненавидитъ
л. 37б. а приехма мене / $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ / приемяте послѣдѣшаго
ма / $\mu\epsilon$ /

Если рассмотреть все формы род.-вин.п. с точки зрения того, несут ли они на себе логическое ударение, то видно, что в 19 примерах они находятся под ударением, однако встречается

¹⁷ В принципе - и 2. лица, но поскольку в разных изданиях Нового Завета существуют несовпадения в употреблении греческих знаков ударений, эти данные мы не можем принять во внимание.

и 6 примеров безударного употребления этих местоимений.

Типичным для энклитик положением является положение местоимения после глагола: из 187 случаев употребления в 126 случаях местоимения *ма, та, са, нь, въ* стоят непосредственно после глагола.

После предлогов встречаются исключительно только формы вин.п. /17 примеров/. М.А. Гадолина считает, что "Способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению, фиксируемая древнейшими памятниками славянской письменности, является весьма существенным аргументом против отнесения кратких форм вин. ед. в разряд энклитик"¹⁸. Материал Саввиной книги подтверждает вывод М.А. Гадиной о том, что в данный период местоимения *ма, та, са, ны, въ* не могут считаться энклитиками, поскольку они встречаются и под логическим ударением и после предлогов. Но тот факт, что эти местоимения часто употребляются и без логического ударения и в позициях, характерных для энклитик, а формы род.-вин.п. обычно ударяемые и часто употребляются в противопоставлениях и параллелях, указывает на то, что процесс возникновения корреляции ударяемых и энклитических местоимений в данную эпоху находится уже в довольно продвинутой стадии.

Как известно, собственно личных местоимений 3. лица в старославянском языке не было, в этой роли в им.п. употреблялись указательные местоимения *оуз, ть, съ*, а в косвенных падежах - формы от местоимения *и*, поэтому у личных местоимений 3. л. и не могло быть омонимии форм им. и вин.п. Однако, если местоимение *и* входило в состав прилагательного, местоименного прилагательного или относительного местоимения, то оно имело форму им.п., которая совпадала с формой вин.п.

В Саввиной книге у местоимения 3. л. ед.ч. м.р. форма вин.п. встречается 183 раза, а форма род.-вин.п. 22 раза, т.е. в

¹⁸ М.А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963, стр. 58.

10,7 % всех примеров. В сочетании с предлогами в большинстве случаев /16 раз/ употребляется форма вин.п., а форма род.-вин.п. - всего один раз:

л. 836. вѣроваша въ него

В функции объекта местоимение 3.л. очень редко заменяет названия предметов или понятий, в таких случаях всегда сохраняется форма вин.п. /4 примера/, названия животных заменяет 3 раза, и при этом один раз мы находим форму род.-вин.п.:

л. 62. аще котораго васъ обзѣли волъ въ студеньць
впадетъ и абие истрѣгнетъ его въ днь субботны

Такое небольшое количество примеров не дает возможности сделать какие-либо определенные выводы.

Что касается относительных местоимений ед.ч. м.р., то материал Саввиной книги дает следующую картину:

Форма вин.п. относительно человека употребляется один раз /л. 1486. на ньже оузъриши/, относительно предметов, понятий - 3 раза, во всех 4 примерах после предлогов на и въ. Форма род.-вин.п. 17 раз употребляется относительно живых существ и один раз - относительно понятия:

л. 39. аю всанъ глѣзъ празднъ егоже аще глѣзъ улци

Значительное различие в частоте употребления род.-вин.п. у личного местоимения 3.л. и у относительного местоимения объясняется тем, что у первого не было омонимии и вин.п., а у второго эта омонимия была налицо. Во избежание омонимии, по аналогии с другими указательными местоимениями, употребляется форма род.п.¹⁹, а старая форма вин.п. сохраняется лишь там, где предлог ясно указывает

¹⁹ Форму его А. Мейе считает ударным вин. падежом относительного местоимения. Указ. соч., стр. 348-349.

на падежную принадлежность данного местоимения.

Во мн.ч. личных местоимений 3.л. и относительных местоимений формы им. и вин.п. совпадают только в ср. и ж. роде /у небольшой с точки зрения частоты употребления группы местоимений/, а в м.р. нет вышеупомянутой омонимии. Во мн.ч. употребление род.-вин.п. редко, у местоимений 3.л. встречается один пример /вин.п.: 13 примеров/, у относительных местоимений 4 примера²⁰ /вин.п.: 42 примера/. Во всех этих примерах местоимения род.-вин.п. /причем беспредложного/ заменяют названия людей; относительно предметов и понятий употребляется только вин.п., но всегда в сочетании с предлогами.

По небольшому числу примеров Саввиной книги невозможно судить о том, соотносимо ли употребление род.-вин.п. личных местоимений 3.л. и относительных местоимений с возникновением категории лица или одушевленности. Но чисто формальное употребление падежной формы относительных местоимений ед.ч. /после предлогов - форма вин.п., без предлогов форма вин.п., независимо от значения/ и дальнейшая судьба славянских языков не свидетельствует в пользу такого предположения. По нашему мнению, с категорией лица или одушевленности могут соотноситься только существительные, прилагательные, местоименные прилагательные и причастия.

В заключении мы считаем целесообразным суммировать наши наблюдения.

1/ Изучая материал Саввиной книги, можно видеть, что в тех группах имен, в которых появление род.-вин.п. подкреплено омонимией им. и вин.п., широко распространено

-
- 20
- л. 26. сѣназѣхъ нма твоє члнѣомъ нхъже дастъ ми отъ
 всего мира. твоѣ бѣша и мнѣ дастъ а.
- л. 266. стн и сѣблѣди нхъ о имени твоємъ. еже дастъ ми.
- л. 326. бѣ бо ууа нхъ
- л. 47. въпроси нхъ ꙗс
- л. 486. и грѣшнзні бо любаша нхъ любатъ

употребление род.п. вместо вин.п. /имена существительные, прилагательные, причастия, местоименные прилагательные, относительные местоимения ед.ч. м.р./. В группах имен, где нет такого сильного мотивирующего фактора, род.-вин.п. употребляется значительно реже /личные местоимения ед. и мн.ч., возвратное местоимение, а также все имена мн.ч./. Распространение нового языкового явления путем аналогии происходит сравнительно быстро и интенсивно, если оно способствует сохранению или восстановлению внутреннего порядка данной языковой системы. Если же новое явление является безразличным с точки зрения функционирования языка, если язык и без нового явления способен выполнять свою основную коммуникативную функцию, то новое языковое явление распространяется значительно медленнее.

2/ Форма вин.п., равная род.п., по всей вероятности, возникла у вопросительного местоимения *кѣто* и у указательных местоимений /местоименных прилагательных/. Вследствие фонетических изменений в системе языка возникла омонимия /неразличение форм падежа объекта и субъекта/, мешающая беспрепятственному осуществлению коммуникативной функции, поэтому система языка стремилась к устранению этой помехи²¹. Формальные и функциональные совпадения род. и вин. падежей как бы определяют соответствующее, уже существующее в языке, средство для устранения омонимии. Начинается языковой процесс, который охватывает не все имена, у которых вышеупомянутая омонимия налицо, а только часть этих имен: имена со значением лица или живого существа, поскольку они чаще других имен могли выступать в предложениях, где неразличение падежа объекта и субъекта могло привести к двусмысленности, причем этому способствовало и значение местоимения *кого*.

²¹ Ср.: В.И. Георгиев. "...структурата се самоурегулира..." Указ. соч., стр. 15.

3/ Род.-вин.п. под влиянием указательных местоименных прилагательных постепенно распространялся на прилагательные, причастия, существительные м.р. ед.ч. /при этом известную роль могла играть определенность объекта/. В языке Саввиной книги отражается категория лица у этих имен м.р. ед.ч., хотя процесс становления данной категории еще не завершен. Наблюдаются и зачатки распространения категории лица на мн.ч.

4/ У местоимений /личных и возвратного/ появление род.-вин.п. может объясняться или аналогией мотивированных омонимией форм, или же фонетическими причинами - формы *мѣнѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, и аналогией - формы *насъ*, *васъ*. Группу личных и возвратного местоимений /причем с этой точки зрения к ним примыкают и относительные местоимения/ от других имен резко отличает тот факт, что появлением новой формы род.-вин.п. или сохранением старой формы вин.п. у них не происходит грамматического разграничения лиц и не-лиц, или живых существ и неодушевленных предметов.

5/ У личных местоимений 3.л. и у относительных местоимений нет семантического или функционального различия между вариантами: дальнейшая судьба славянских языков свидетельствует об утрате одного из вариантов.

6/ У вариантов личных местоимений 1. и 2. л. и у возвратного местоимения возникает функциональное различие: формы род.-вин.п. начинают употребляться под логическим ударением, формы же вин.п. становятся энклитиками. Подобно возникновению категории лица и возникновению оппозиции ударных и энклитических местоимений, по свидетельству Саввиной книги, в данную эпоху является еще процессом незавершенным.